

ИНТЕРВЬЮ

«ВСПОМИНАЯ ЕВГЕНИЮ ОСКАРОВНУ»: МИХАИЛ ЯСНОВ, СЕРГЕЙ МАХОТИН, НИКОЛАЙ КРЫЩУК И ДР.

Евгения Оскаровна Путилова играла заметную роль в петербургском сообществе, занимающемся детской литературой в 1970–2000-х гг. Своими воспоминаниями о Евгении Оскаровне с «Детскими чтениями» поделились поэты Михаил Яснов и Сергей Махотин, прозаик Николай Крыщук, переводчик и литературный критик Ольга Мязотс, исследователь детской литературы Светлана Маслинская, профессор университета им. А. И. Герцена Мария Воюшина.

ДЧ: Евгения Оскаровна на протяжении долгих лет была одной из самых ярких фигур в ленинградском/петербургском круге тех, кто занимался детской литературой. Не могли бы вы рассказать, как началось ваше знакомство, какое первое впечатление произвела на вас Евгения Оскаровна?

Михаил Яснов: О человеке, которого знаешь и любишь уже много лет, трудно начать разговор, тем более о человеке такого масштаба. Кажется, что Евгения Оскаровна была с нами всегда... Но если проследить истоки нашего знакомства, то корнями оно уходит в 1970-е гг., когда в Союзе писателей, в доме на Шпалерной, собиралась детская секция СП. Тогда наши встречи проходили часто, почти каждую неделю, помню, что семинар переводчиков, который я тоже начал посещать, бывал по вторникам, а детская секция, по-моему, собиралась в среду...

У нас была довольно насыщенная жизнь на этих семинарах — вот вышла книжка, ее сразу обсуждали, читали много и неопубликованного: поэты — свои стихи, прозаики — фрагменты прозы, все это бурно хвалилось, критиковалось, разбиралось... Приходили многие легендарные нынче детские писатели — Николай Сладков, Радий Погодин, Александр Крестинский, Игорь Ефимов, Николай Андреевич Внуков...

И Евгения Оскаровна регулярно наши семинары посещала, энергично на них выступала — ей всегда было интересно, что делается в детской литературе вокруг нее, какие процессы происходят, какие появляются имена...

С поэтом Михаилом Ясновым

Помню, как я ужасно тогда боялся Евгении Оскаровны, страшное дело! Она уже была признанным мэтром и поначалу относилась к нам довольно строго.

ДЧ: А за что же Евгения Оскаровна могла похвалить, а за что поругать? Каковы были ее критические принципы?

Михаил Яснов: Евгения Оскаровна была категорична. «Хватит развлекать детей!» — говорила она. Или: «Что вы там пишете всякую ерунду?!» Она хотела от детской литературы серьезных тем, понимания современного ребенка.

Сергей Махотин: Да-да, она громила пустячные темы. Мысли, чувства, переживания ребенка, их отражение — вот что было важно с ее точки зрения.

Я к этим семинарам присоединился чуть позднее, и Евгении Оскаровны уже так не боялся. Однако в стихах, которые я написал о тех годах, удалось, как мне кажется, передать ее строгость и взыскательность. Она задавала нам всем высокую планку, и я нередко, когда что-то писал и придумывал, мысленно себя спрашивал: «А как к этому отнесется Евгения Оскаровна? Выше я буду этой планки или ниже?»:

В восьмидесятых, в Доме детской книги
Я стал не очень часто, но бывать.
Сюда ходил Крестинский, враг интриги,
Гиневский здесь пытался рифмовать,
Тут семинар свой остро и толково
Вела с сигаркой Нонна Слепакова,
И с первой детской книжкой Попов
Еще не слыл милейшим из столпов.
Вдруг подошла Она. Часы пробили.
Умолкли треп и всякие хи-хи.
«Я слышала, Сережа, вас хвалили.
МНЕ дайте почитать свои стихи». —

С поэтом Сергеем Махотиным

«Пожалуйста. Возьмите». — Что тут скажешь!
 Ну, разве этой женщине откажешь?
 Так голос ее властен, взор — пытлив.
 Я подождал Яснова — и в разлив.
 «А кто она?» — «Путилова!» (Не много
 Писателей я знал, признаюсь вам) —
 «Путилова?» — «Ага! Держись, Серега!»
 И мы переключились на агдам.
 Прошла неделя. Может быть, и больше.
 Валенса победил в упрямой Польше,
 Генсек лишил трудящихся вина,
 И рухнула Берлинская стена.
 «Сережа, я прочла! Все очень звонко.
 Но вот что вам по-дружески скажу:
 Важны переживания ребенка.
 Я этого пока не нахожу».
 Я слушал. Я кивал. Я был не пьяный.
 Но чувствовал себя чуть-чуть Татьяной,
 Которой дан известно кем урок
 По поводу ее наивных строк.
 И понял я: не нужно ждать награды.
 Замечен ты — и тем уж знаменит.
 Кого Она похвалит, будут рады,
 Как рады те, кого Она бранит.
 Чего скрывать, писал порой и чушь я,
 Но чувствуя к себе равнодушие,
 Стройнее делал шумных ямбов строй —
 И оживал лирический герой.
 Евгения Оскаровна, родная,
 Я Вам в любви прилюдно признаюсь!
 Очередную книжку сочиняя,

Оценки Вашей жду, а не боюсь.
Прислушиваюсь к Вашим пожеланьям.
Герой давно готов к переживаньям
И об одном мечтает лишь — о том,
Чтобы попасть в заветный третий том!

Ольга Мязотс: А я познакомилась с Евгенией Оскаровной позднее, можно сказать, уже в другую эпоху. Помню, что это было на конференции 1989 г., которая проходила в Ленинграде. Я тогда только-только начинала заниматься детской литературой и прекрасно сознавала свою некомпетентность, а на конференцию съехались крупнейшие специалисты из разных стран — Прибалтики, Скандинавии, ну и, конечно, наши мэтры, и в том числе Евгения Оскаровна.

Я не помню уже, о чем говорила она тогда в своем докладе, возможно о Чарской, а, может быть, о Пантелееве. Но точно помню свои ощущения тех лет — это была радостная пора, когда в детскую литературу возвращались несправедливо изгнанные из нее писатели. И Евгения Оскаровна как раз и была тем человеком, кто осуществлял это возвращение, боролся за дорогие ей имена. Она столько сделала для того, чтобы сохранить память о Лидии Чарской, Вере Желиховской, Григории Белых и многих других забытых или запрещенных авторах, что, конечно, для нее годы перестройки стали долгожданным временем.

Благодаря усилиям многих людей, и Евгении Оскаровны прежде всего, справедливость была восстановлена и корпус отечественной детской литературы восполнял пробитые советской критикой и цензурой бреши. И это постепенное восполнение насильственно созданных лакун, конечно, Евгению Оскаровну радовало, не только как исследователя, но и как честного достойного человека — ведь из детской литературы изгонялась ложь умолчания, предательства.

И вместе с тем одновременно происходила в детской литературе и своя «перестройка»: прежних кумиров новое поколение радостно сталкивало с пьедесталов. Кому-то, возможно, доставалось заслуженно, но — и Евгения Оскаровна знала это, возможно, лучше других — уязвимее всегда бывают самые талантливые.

Особо оголтелой травле подвергался Аркадий Гайдар. Помню, я очень обрадовалась, когда Евгения Оскаровна на той конференции вступилась и за него. Еще бы — ведь Гайдар бесспорно талантлив, а именно таланты она умела ценить, собирать и беречь. В тот раз и я, набравшись храбрости, тоже ее поддержала — ведь это был мой

любимый писатель детства, учивший верности друзьям, данному слову, — и я не могла его предать. Наверное, Евгения Оскаровна тогда меня и отметила, подарив авансом свою дружбу.

Светлана Маслинская: Меня Евгения Оскаровна очень поддержала, когда узнала, что я планирую заниматься историей русской литературы первого сорокалетия XX в. Она надеялась, что я продолжу ее разыскания в области критики детской литературы. Что и произошло.

Когда я только начала работать над этой темой и выступала с докладом на конференции в Пушкинском Доме, Евгения Оскаровна искренне интересовалась моими первыми наблюдениями. Все время норовила отослать меня к своей монографии о критике детской литературы. Могло показаться, что она хочет дать мне наставления, апеллируя к своим собственным достижениям. Однако в действительности ей хотелось вступить в научный диалог. Она не боялась, что с момента выхода ее трудов о критике детской литературы прошло уже более тридцати лет, она была уверена, что ее концепции актуальны и могут быть любопытны современному читателю.

Помню, что когда на конференции в 2009 г., посвященной литературе 1920-х гг., я сделала доклад о приключенческом нарративе для детей, она с недоумением вопрошала, почему я берусь за творчество второ/третьестепенных авторов и не занимаюсь, например, Сергеем Григорьевым или Ауслендером. Я ей честно ответила, что мне гораздо интересней авторы детской литературы, вообще не входившие ни в какие учебники о детской литературе, о которых мало что известно или ничего не известно вообще. Как бы в ответ Евгения Оскаровна сама взялась делать доклад о советской приключенческой прозе, затем написала по этой теме статью и опубликовала ее в «Детских чтениях».

Она мне запомнилась именно таким человеком, который хотел быть в диалоге, хотел делиться собственными гипотезами с младшими коллегами и требовательно ждал ответной реакции.

ДЧ: Да, Евгения Оскаровна была к нам весьма взыскательна! Я помню, на какой-то конференции меня во время выступления угроздило сказать «Алексей Пантелеев», а в зале в первом ряду сидела Евгения Оскаровна и, как выяснилось, внимательно меня слушала. Она тут же начала громко скандировать: «По-зор! По-зор!» и яростно грозит мне кулаком. Пантелеев был ее кумир, а если бы даже и нет, то подобной безграмотности она исследователям не прощала.

С писателем Николаем
Крыщуком

Николай Крыщук: Ее критичность обусловлена ее страстностью. Она — Цветаева литературоведения. Если Евгения Оскаровна разговаривает с вами о вашем тексте — вам мало не покажется. Пристрастна она была до невероятности.

Но эта страстность помогла совершить ей много открытий — Евгения Оскаровна разыскала могилу Чарской на Смоленском кладбище, вернула в историю литературы биографии Кудашевой, Петерсона... Я вижу Евгению Оскаровну живущей в домике русской литературы (если, конечно, можно назвать эту громадину «домиком»), где она с полным самозабвением отдается темам, которые она исследует. Если она что-то любит — то всегда до обожания, как это было, например, с Лидией Чарской, Леонидом Пантелеевым, с детскими стихами Мандельштама и Берггольц. Если ненавидит, то тоже неистово — например, Чуковского за то, что тот уничтожал Чарскую, Маршака за то, что тот, по ее мнению, погубил Житкова и Бианки. И это не личное, а историческое, лично то она их тоже, разумеется, обожает, а исторически — ненавидит.

Пристрастность эта не мешает Евгении Оскаровне быть принципиальной. Например, узнав подробности биографии Л. Пантелеева, она спросила его прямо: «Так значит, Вы в ШКИДе появились только на второй год?» «Ну да», — отвечает Алексей Иванович. «Так значит, весь первый год только Гриша Белых описывал, не Вы?» «Ну да», — говорит Пантелеев. Тогда Евгения Оскаровна заявляет: «Вот я приду домой и сразу найду все главы, которые не Вами написаны! Это все теперь мне очень хорошо видно!» А ведь Алексей Иванович был человек сложный, и Евгения Оскаровна его творчество «обожала», считала его очень важной фигурой в детской литературе.

Михаил Яснов: Да, поначалу нам не было с Евгенией Оскаровной уютно, часто казалось, что она несправедливо нас критикует. Некоторые ее оценки были очевидно пристрастными. Иногда она долго присматривалась к человеку — каков он? Насколько предан общему делу детской литературы? Одни и те же стихи могла сначала поругать, а потом, убедившись в том, что человек отдается детской литературе всерьез, — похвалить.

Не быстро мы притирались друг к другу...

Но могу сказать точно — Евгения Оскаровна пользовалась безусловным уважением всех порядочных людей. На компромиссы не шла, сервильных статей не писала, а предложения были... В 1983 г., например, она не включила стихи Михалкова в сборник «Оркестр». А там были и Блок, и Мандельштам, и Белла Ахмадулина, и Новелла Матвеева, и Андрей Вознесенский — конечно, Михалкову хотелось попасть в этот ряд. А Евгения Оскаровна ни в какую. Разумеется, потом у нее были неприятности в этой связи. Но стихи Михалкова она не взяла и в одностомник «Русская поэзия детям», вышедший в 1989 г. Михалков негодовал, а Евгения Оскаровна сказала: «Ну, как он не понимает, что в этот сборник вошли стихи тех поэтов, которые уже умерли. Надо было сказать ему, что в переиздание он точно попадет!»

Сергей Махотин: Составление «Русской поэзии детям» — это грандиозный, подвижнический труд, главное дело Евгении Оскаровны...

Михаил Яснов: Да, она меня изрядно помучила в этой связи, году еще в 1987, прекрасно помню.

Сергей Махотин: Еще бы! Это же страшное дело — такой масштабный, огромный проект, такие тщательные биографические разыскания, выстраивание состава томов... Со всеми живыми авторами Евгения Оскаровна переписывалась, работала с архивами...

Михаил Яснов: Как она была рада, когда ей незадолго до своей смерти успели написать и прислать свои автобиографии Генрих Сапгир и Борис Заходер.

Сергей Махотин: К отбору текстов Евгения Оскаровна подходила, прежде всего, как историк литературы. И эта концепция многое объясняет: у меня, например, она взяла стихотворение «Ковер», напечатанное в 1983 г. в «Костре», не самое лучшее, скажем, из того, что я писал. Но оно отражало дух времени, помните, тогда шла борьба с мещанством, с вещизмом?

С коллегами Светланой Маслинской и Валентином Головиным

Витька пыль из ковра
Выбивает,
Витька игры двора,
Забывает...

Ей было важно отразить атмосферу эпохи, показать через стихи исторический контекст, поэтому она и у Михалкова взяла самое позорное стихотворение — «Пуговку», написанную в 1939 г., в разгар шпиономании.

Светлана Маслинская: Да, Евгения Оскаровна отдала сбору материалов по истории русской поэзии для детей большую часть своей жизни. Не одно десятилетие, наверное. Однако, когда я с ней познакомилась, мне показалось, что ей не хватает разговоров именно об истории советской детской литературы как института.

Конечно, архивно-текстологическими находками и открытиями она делилась со всеми, кто был рядом и кому она доверяла, но было заметно, что ей хотелось говорить с коллегами о том, как во второй половине XX в. складывался литературный процесс, какое влияние на него оказывала цензура и критика, размышлять о конкретных сюжетах. Ей хотелось обсуждать системные знания о литературном процессе для детей в XX в.

Маршак, Пантелеев, Зощенко, разгром Детгиза — она могла часами вспоминать о людях, с которыми ей довелось общаться. Но это не были разговоры в жанре литературного портрета, скорее воспоминания об эмоциональном опыте ее встреч с теми, кто был причастен к детской литературе.

Мария Воюшина: А мне посчастливилось работать с Евгенией Оскаровной на кафедре детской литературы РГПУ им. А. И. Герцена.

Я много лет знала Евгению Оскаровну, и могу сказать, что о литературе, об истории литературы, об авторах, которыми она занималась, она любила говорить не только с коллегами. Например, многие из нас знают, что в трудные моменты своей жизни Евгения Оскаровна любила читать детские стихи. Она рассказывала, как, оказавшись однажды в больнице, послушала жалобы на здоровье своих соседок по палате и сказала:

«Давайте-ка я вам лучше почитаю стихи». Сначала было полное изумление, потом интерес, а назавтра слушатели приходили уже из соседних палат.

Она была блестящим рассказчиком и умела из, казалось бы, обычного события сделать «новеллу» и рассказать ее так вкусно, что надолго запомнились не только сюжеты, но и ее неповторимые интонации.

Николай Крыщук: История литературы — то, чем жила Евгения Оскаровна, и многие ее исследовательские интересы связаны с личным проживанием этой истории. Ее интерес к творчеству Чарской, который многим казался неожиданным, на самом деле вполне закономерен. И не только потому, что Чарская по своему настрою, по своей эмоциональности, экзальтированности в чем-то совпадает с Евгенией Оскаровной по духу, но еще и в том, что, как полагала Евгения Оскаровна — настало время Чарской. Вот был Маршак с его поэзией действия, «литературой глагола», которую Евгения Оскаровна исторически не любила, и вот была Чарская с ее институтками, обмороками, дружбами, преданностью, мелодрамой. Евгения Оскаровна считает, что современному читателю-ребенку тоже хорошо пострадать, погрузиться в эти переживания — «пришло время чувствовать!»

ДЧ: Может быть, Евгении Оскаровне в творчестве Чарской импонировала еще и определенная дидактичность, поучительность?

Николай Крыщук: Нет, я лично никакой дидактики в Чарской не вижу, так же как и нравоучительности особой, а вот «половодье

чувств» ее героев было, как мне кажется, Евгении Оскаровне очень созвучно.

Михаил Яснов: И сама она не имела привычки поучать, хотя авторитет у нее был большой. Скорее советовала, «держала руку на пульсе». Поразительно ее исследовательское долголетие, незашоренность, энергия. Евгения Оскаровна выступала практически на каждом нашем фестивале, читала открытые лекции, интересовалась молодыми писателями... Старческого этого брюзжания, неприятия нового, антипатии к молодежи в Евгении Оскаровне совсем не было. Если уж и было ворчание и брюзжание, то по отношению к нам, к старой гвардии, так сказать...

Евгения Оскаровна до последних дней была в гуще своих исследовательских планов, всегда что-то писала, над чем-то работала — вот сейчас у нее период мемуаров — жила издательскими сроками, академическими дедлайнами. Все мы часто слышали от нее: «Я должна успеть еще вот это. Это мой долг».

Сергей Махотин: И я помню Евгению Оскаровну в постоянном движении, это одно из первых моих впечатлений — в Доме творчества в Дубулутах, например, они с Борисом Николаевичем куда-то устремлялись еще до завтрака, проходили бог знает сколько километров по побережью, и потом я все время видел их гуляющими в парке...

Ольга Мязотс: Именно так, в Евгении Оскаровне был порыв к движению, к свободе не только в сфере литературы, но и в странстве.

Я помню, как мы встретились однажды на конференции в Стокгольме. Так получилось, что у нас там сложилась небольшая дружная компания интересных друг другу людей. Обаяние и эрудиция Евгении Оскаровны растапливали обостренную настороженность представителей стран бывшего «соцлагеря» (ученых из Прибалтики, Польши и др.) против всего «советского», да и русского заодно. Нам было весело друг с другом.

Не удивительно, что в один прекрасный день мы решили сбежать на пару часов с очередного заседания, чтобы хоть немножко посмотреть сказочный Стокгольм. Но засомневались: стоит ли склонять к побегу и Евгению Оскаровну? Конечно, она наш друг, но друг-то старший — не осудит ли? Я навсегда запомнила, как просияло лицо Евгении Оскаровны, когда мы рассказали ей о нашем тайном плане: «Прогулять? — Что может быть прекраснее тайного побега! Даешь глоток свободы!»

Когда мы встречались с Евгенией Оскаровной позже, она всегда вспоминала эту прогулку как одно из счастливых мгновений своей жизни. Да, она была признанным мастером, могла быть строгой и значительной, но никогда не бывала напыщенной «важной персоной». Она была — настоящая.

Мария Воюшина: И я готова подтвердить, что Евгения Оскаровна всегда восхищала жизнелюбием, открытостью, увлеченностью, эрудированностью. Где бы она ни была — в студенческой аудитории, на заседании секции молодых писателей, на диссертационном совете — ее живо интересовало все, что происходило, она всегда была готова выступить и поддержать интересную свежую идею, показать возможность ее нового разворота, прочитать стихи, созвучные обсуждаемой теме.

Евгения Оскаровна учила не только детской литературе, она учила быть. Жить по совести всегда, не оправдываясь «трудными временами». Быть требовательной к себе и к другим. Любить жизнь, уметь радоваться, замечать, как прекрасен мир. Любить людей.